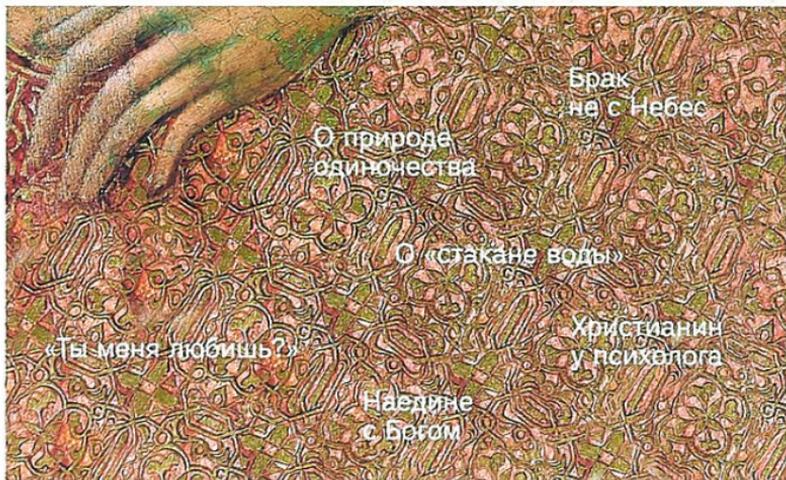

Игумен Нектарий (Морозов)

ОДИНОЧЕСТВО

Пути преодоления:
в Церкви, семье и обществе

Брак
не с Небес

О природе
одиночества

О «стакане воды»

«Ты меня любишь?»

Христианин
у психолога

Наедине
с Богом

игумен Нектарий Морозов
Одиночество. Пути
преодоления: в Церкви,
семье и обществе
Серия «Открывая Православие»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36620625
Одиночество. Пути преодоления: в Церкви, семье и
обществе. / Нектарий (Морозов), игумен: Никея; Москва; 2018
ISBN 978-5-91761-853-1

Аннотация

Уникальность человеческой личности является естественной причиной одиночества. Но часто человек ощущает духовную пустоту и отторженность в семье, в обществе и даже в Церкви. Известный православный писатель и публицист игумен Нектарий (Морозов) рассматривает проблему одиночества с разных сторон, иллюстрируя свой рассказ множеством реальных историй. Эта книга поможет человеку перестать винить в своих проблемах жизненные обстоятельства и найти в самом себе точку равновесия. Принятие важности других людей в нашей жизни и единение с ними и есть, по мнению автора, единственный способ приближения к Богу.

Содержание

С чего начинается одиночество?	5
Одиночество природное и социальное	5
Жизненные обстоятельства?	8
«Мне люди, в сущности, не нужны»	14
Дать человеку то, что он хочет	18
«А я хотел, чтобы они со мной играли...»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Игумен Нектарий Морозов
Одиночество. Пути
преодоления: в Церкви,
семье и обществе

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви*

ИС Р18-804-0116

С чего начинается одиночество?

Одиночество природное и социальное

Чувство одиночества для человека в его состоянии после грехопадения совершенно естественно. А связано оно, как ни странно, с одним из самых лучших, самых замечательных человеческих качеств – с уникальностью человеческой личности. При всей нашей схожести и подобии друг другу каждый из нас неповторим, и нет в целом мире второго такого же человека, который понимал и принимал бы нас решительно во всем – в любой момент нашей жизни, во всех наших переживаниях, в глубине нашего страдания или же, наоборот, в полноте нашей радости. Понимание и принятие нас другим человеком всегда ограничено – с этого, пожалуй, и стоит начать разговор об одиночестве.

Очень важно различать то одиночество, которое для человека «природно», естественно и которое имеет благой исход, если человек обращается к Богу, и одиночество социальное, когда человек не просто где-то в глубинах своего бытия чувствует себя одиноким, а когда он в этой жизни реально один. Такие люди – не отшельники, не затворники, но жи-

вут они словно в каком-то вакууме, потому что у них ни с кем не устраиваются взаимоотношения. Не то что какого-то глубокого понимания – вообще никакого понимания нет. При этом человек может иметь и семью, и родственников, и даже постоянно находиться среди людей, но никакой близости, единства с другими людьми он не чувствует.

Для нашего времени это практически обыденность: люди могут работать в одном кабинете, жить в одной квартире и даже спать в одной спальне – и быть при этом друг другу совершенно чужими. Позволю себе утверждать, что единственная причина этого – заикленность человека на себе самом (что, впрочем, нередко усугубляется такой же заикленностью и эгоизмом окружающих). Других причин нет. Мне как священнику доводится общаться с самыми разными людьми, и могу сказать, что для человека, обращенного на других людей, открытого другим людям, нет никаких препятствий к тому, чтобы дружить, любить, быть частью какой-то общности: ни бедность, ни неуспешность в жизни, ни инвалидность, ни что-либо иное не помеха. Мы видим, как даже люди бездомные, встречаясь, бывают по-настоящему рады увидеться, как они оказываются способными на взаимовыручку, так что порой даже они от одиночества социального не страдают. Мы видим людей, которые приходят в храм, пережив тяжелейшее горе или страдая от опасного заболевания, и они тоже с кем-то дружат – и радуются, и смеются, и утешаются. Итак, причина социального одиночества

всегда заключена в самом человеке.

Такое одиночество, происходящее от отсутствия сердечных и глубоких отношений с людьми, богоугодным никак не назовешь. Ведь даже в подвиге аскетическом, когда человек удаляется в пустыню ради молитвы и пребывания с Богом, святые отцы советовали всегда себя испытывать. Почему ты бежишь от людей? Ты их не любишь? Такое бегство незаконно. Они тебя искушают, и ты хочешь избавиться от поводов ко греху? И в этом случае бежать нельзя, потому что твои страсти от этого не исчезнут, а только глубже спрячутся в тебе. Уходить от мира и каких бы то ни было взаимоотношений в нем может только тот, кто любит людей, но чувствует, что его жизнь уже должен наполнять только один Господь. Пока человек не достиг этой очень высокой меры, он должен учиться жить с себе подобными. И тот, чье одиночество имеет в своей основе неприятие других людей, не избавится от него, пока не осознает, что это состояние по сути своей греховно, носит патологический характер, а в конце концов и губительно.

Жизненные обстоятельства?

Но очень часто люди искренне убеждены, что они одиноки исключительно из-за сложившихся обстоятельств, то есть причина – не в них самих. Какие же обстоятельства обычно называют и что можно сказать в ответ?

Как-то один неглупый человек задал мне прямо удивительный вопрос: «Меня, человека с высшим образованием, с определенными интеллектуальными потребностями, жизнь на долгие годы забросила в глубинку, в социальные низы. И конечно, я был там одинок, выброшен из жизни и общения. А что, нужно было с местными торговками общий язык находить?»

Прежде всего, я бы вообще не стал делить людей таким образом: «верхи», «средняки», «низы»... Среди тех, кого этот человек называет «низами», и в «глубинке», и даже в самых настоящих трущобах можно встретить самых разных людей: и интеллектуально развитых, и развитых душевно, а порою и духовно. И можно хотя бы попытаться найти тех, с кем возникнет взаимопонимание и с кем в конечном итоге можно сойтись, подружиться. А если найти общий язык не удастся решительно ни с кем, проблему стоит искать в первую очередь в себе самом. Да, бывает, что человек опускается в несвойственную ему среду; чаще всего – пережив какое-то потрясение: потерю работы, крах карьеры, ухудше-

ние здоровья, уход близкого человека. Но причина-то не в том, что человек потерял, и не в том, где он в результате оказался, а в том, каким он после этого стал. Замкнувшимся, ожесточившимся, сломленным, разочарованным... Поэтому-то он и одинок.

Конечно, нельзя утверждать, что среда не играет во взаимоотношениях людей вообще никакой роли. Но эта роль сводится лишь к тому, что она, среда, на человека как-то воздействует. А вот поддаваться ее воздействию или не поддаваться, человек выбирает сам. Люди и в концлагерях дружили и любили, а на войне и жизнь друг за друга отдают. Нет такой среды, которая исключала бы возможность дружбы. Здесь вспоминается замечательная книга «Неугасимая лампада» Бориса Ширяева – рассказы о заключенных на Соловках. Любого из них могли застрелить просто так, развлечения ради; они голодали, болели, каждый день смотрели в лицо смерти. И с каким же удивительным чувством читаешь, как они, несмотря ни на что, вместе праздновали Рождество и Пасху, ставили спектакли, радовались, учились. А ведь это абсолютно разные люди: по возрасту, социальному положению в прошлом, по культурному уровню, по вере. Но они находили то, что их объединяло, потому что без этого человеку трудно оставаться человеком.

А в то же время людям вполне успешным, обеспеченным, добившимся высокого статуса обычно труднее дружить, чем кому бы то ни было. На своем пути к успеху они то и дело ви-

дят, что «Боливар не вынесет двоих»: либо ты кого-то с этого «Боливара» скинешь, либо, без малейших сомнений, скинут тебя. И это постепенно убивает в человеке способность любить, жертвовать, открываться, радоваться чужой радости. Бывают исключения, но именно среди солидных, известных, состоявшихся людей мне больше всего встречалось одиноких и несчастных. Они легко готовы допустить, что человек, с которым вроде бы и завязались дружеские отношения и которому, может быть, хочется открыться, назавтра сделает какую-то подлость. Вот почему люди, которые вскарабкались на высокие ступени социальной лестницы, очень дорожат теми, кого знали еще в юности, в детстве.

Такая связь, если она есть, бывает очень трогательной и крепкой, но это большая редкость, потому что человек на пути к успеху чаще всего умудряется растерять людей, которые его когда-то любили. И даже потенциального супруга в подобных кругах подчас проверяют, нанимая частного детектива, чтобы выяснить его настоящее отношение к себе.

Более того: такой человек иногда готов обратиться к Богу, но уже и Ему не может поверить до конца. Слишком подобен он евангельскому богачу, который не отступает от своего, даже когда слышит: *безумный! в сию же ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?* (Лк. 12: 20). Бывает даже, когда человек, понимая сердцем, что Бог есть, намеренно не открывает Евангелие и не читает его. Он понимает, что когда он это прочтет, то уже не

сможет оправдываться незнанием. И человек предпочитает «спрятаться» от Бога или, может быть, время от времени «на всякий случай» помогать Церкви, но Евангелие положить на самую дальнюю полку. И конечно, такой человек будет тотально одинок – и духовно, и душевно.

Еще одна проблема, которая также часто заставляет людей чувствовать свое одиночество, – это безуспешный поиск спутника жизни. Общаясь с такими людьми, как-то вникая в их жизнь, раз за разом слышишь жалобы, что у них ни с кем не возникает отношений, ведущих к браку, что они к кому-то делают шаги, а от них отстраняются. И тут невольно замечаешь одну закономерность. Ты встречаешь такого человека, видишь его глаза, и в них сразу читается все – и сама неустроенность его личной жизни, и то, что вокруг нее вращаются все его переживания, помышления и поступки. Он не может просто поговорить с понравившимся человеком, не рассматривая его как потенциального жениха или невесту. Он входит в комнату – и у него на лбу крупно написано: «хочу замуж» или «хочу жениться». И понятно, что люди, видя такую надпись, от него бегут. Ведь одно дело, когда человек хочет любить и быть любимым, но при этом у него есть и некая своя жизнь, и другое дело – когда это его желание носит маниакальный характер, когда возникает ощущение, что человек хочет тебя использовать. Он не чувствует самого тебя – он хочет достичь своей цели через тебя. И бывает очень сложно объяснить ему (чаще все-таки ей), что ни к

чему здесь эта болезненность, этот надрыв, что если в таком состоянии жить, то вообще все вокруг разбегутся.

И это не только устроения личной жизни касается. Просто приходит человек, ты на него смотришь, а у него на том же самом лбу начертано: «Проблема». А то и вовсе: «Я ваша проблема». Практически наверняка он скажет, что одинок, ни в ком не находит взаимности, сочувствия, понимания. И начинаешь ему объяснять: «Научитесь не быть для людей проблемой, попробуйте заниматься своими проблемами сами – и обстоятельства начнут меняться». А человек на это: «Так, значит, и здесь, в Церкви, никому ни до кого нет дела? Значит, нету любви в этом мире?! Какие же вы христиане?»

Однажды я высказал нечто подобное одной интеллигентной женщине. Она меня спрашивает в ответ:

– Вы священник?

– Да.

– Христианин?

– Да.

– А ваша паства, прихожане, они тоже христиане?

– Да.

– Так вот, в Библии сказано, что нужно носить тяготы друг друга. Вы почему мои тяготы не принимаете?

– Подождите, – говорю, – но ведь это сказано каждому из нас, это взаимно, а вовсе не карт-бланш вам одной, чтобы прийти со своими тяготами и заставить их носить.

– Нет, – возражает она, – если вы не несете мои тяготы, то вы не христиане.

И эта логика непробиваема. Конечно, такой человек будет одинок, но совет тут только один: ни в коем случае не следует убеждать себя в том, что таковы обстоятельства или люди. Что-то исправить и изменить в своей жизни может только тот, кто видит причины в себе. И как правило, когда мы сами начинаем меняться, наши отношения с окружающими сдвигаются с мертвой точки.

«Мне люди, в сущности, не нужны»

До сих пор, говоря о социальном одиночестве, мы имели в виду, что человек от него страдает. Но бывает и иначе. Есть, например, у меня знакомый – верующий, начитанный, живущий христианской жизнью, убежденный, что ничем иным по-настоящему и не следует жить. Но я давно замечал, что его общение с людьми не складывается: между ним и окружающими словно пролегает полоса отчуждения. И я его спросил: «Может быть, вы сами как-то не очень стремитесь к людям, чуждаетесь их, и от этого ваша беда?» А он мне говорит: «Да, мне люди, в сущности, не нужны».

Для верующего человека это фраза, на мой взгляд, страшная. Если христианин говорит, что люди ему не нужны, у меня в голове не укладывается: а как он вообще в принципе понимает христианство? Как он понимает молитву «Отче наш»? Как понимает слова первосвященнической молитвы Христа: *да будут все едино*? Что он думает об отношении Бога к человеку? Ведь все, касающееся в этой жизни нас, касается и Бога – начиная с того, что Он поддерживает нас в состоянии бытия, и кончая совершенными мелочами житейскими. Более того, Господь приходит на землю и проживает здесь, на земле, человеческую жизнь, и опять-таки вся эта жизнь посвящена людям. О чем это говорит? О том, что для Бога человек бесконечно важен. О том, что для Бога че-

ловек – хотя это и немного странно прозвучит – интересен. Интересен, несмотря на то, что Он о человеке абсолютно все знает. Так как же тогда люди могут быть не нужны и не интересны нам?

Когда человеку другие люди важны, когда он интересуется ими и понимает, что ничего важнее и интереснее человека нет, он оказывается в этом подобным Богу и оказывается рядом с Богом, чувствует Его близость. И наоборот: чем ближе человек к Богу, чем сильнее стремится к Нему, чем дальше продвинулся на пути христианского совершенства, тем ближе, дороже, любимее становятся для него люди, тем глубже ощущает он свою связь с ними. Об этом говорили и писали многие святые отцы. У преподобного аввы Дорофея есть даже такая схема: Господь – в центре круга, и от этого центра к людям расходятся радиусы, как лучи. Чем ближе каждый из нас к центру, тем меньше и то расстояние, та внутренняя дистанция, которая нас с другими людьми разделяет. Это норма христианской жизни, и если происходит как-то иначе, если мы становимся вроде бы более усердными христианами, но расстояние между нами и окружающими при этом растет, значит, что-то идет не так в нашей внутренней жизни.

И по-другому можно посмотреть: если наши отношения с людьми нас отдаляют от Бога, значит, мы опять же как-то не так себя ведем, и перспектива этих отношений – распад. Если же отношение к какому-то человеку в нас вызывает движение к Богу, то мы идем по пути созидания, и эта взаимо-

связь от каких-то внешних причин не разрушится.

Да и вообще неверно, что «люди не нужны»! Абсолютно самодостаточен только Господь, и Ему одному люди нужны только в силу Его любви. А у человека, которому якобы никто не нужен, практически все, чем он пользуется в жизни, является результатом труда других людей. То есть люди на самом деле и такому человеку нужны, но он сводит эту нужность до чисто потребительской.

Чувствовать что-то, откликаться на что-то – потребность человека, заложенная в его природе, и вся наша жизнь – стремление эту потребность реализовать. Думаю, здесь уместно сравнение с физическим устройением человека: когда в его организме есть какая-то патология, он, организм, концентрирует все силы, чтобы с ней справиться. Отсутствие потребности в других людях – серьезнейшая патология душевного, духовного характера. И если человек эту мысль глубоко усвоит, то его ум, сердце, воля тоже мобилизуются, и он начнет преодолевать свое состояние.

Бывает и несколько иначе: человек говорит, что любит своих близких – одного или нескольких человек, а больше ни в ком не нуждается. Однако то, что человек называет в подобных случаях любовью, обычно не является любовью как таковой. Дело в том, что любовь – это не чувство, как многие считают, а качество человека, или, если говорить языком христианства, добродетель. Если человек смелый, он будет смелым в любой ситуации, смиренный – в самых разных об-

стоятельствах и с разными людьми будет смиренным, а любящий, соответственно, любящим. Когда же к узкому кругу людей – любовь, а к остальным – неприязнь или безразличие, это скорее некая зависимость, эгоистическая потребность.

Для нас, христиан, очень важно, обращаясь к Богу, говорить не только «я», но и «мы». Старец Паисий Святогорец, когда его спрашивали, как молиться Иисусовой молитвой, советовал часть дня молиться словами «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», а какое-то время – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных», чтобы не забывать о других людях и о том, что они также нуждаются в милости Божией. А когда мы молимся о ком-то – например, «Господи, помилуй Димитрия», он советовал прибавлять: «И всех остальных Димитриев». Ведь на самом деле чем больше людей мы в свое сердце помещаем, тем наше сердце больше, глубже и сильнее становится.

Дать человеку то, что он хочет

Быть с кем-то друзьями – не то же самое, что иметь товарищей, приятельствовать с кем-то. Когда Господь говорит, что *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя* (Ин. 15: 13), Он совершенно четко определяет, в чем выражается дружба. Друг – это тот, за кого ты готов если не умереть, то, по крайней мере, чем-то очень важным пожертвовать. В идеале же, конечно, и жизнь отдать. А иначе это приятельские отношения – вы просто с человеком общаетесь, и вам это взаимно приятно. Или вы товарищи – «по партии», по роду деятельности, по интересам. Или вы можете быть партнерами, которые объединились для взаимовыгодных целей. Сегодня и супругов в браке порой называют партнерами, но уподоблять отношения внутрисемейные деловым – не что иное, как безумие. То есть значение слова «дружба» очень конкретно, и если в сознании человека оно размыто, ему очень трудно бывает разобраться со своим одиночеством.

Жизнь человека без подлинной дружбы не может быть полноценной, нормальной, идет ли речь о детстве, юности, зрелости или старости. Разница внутреннего устройства людей здесь может проявляться, на мой взгляд, только в том, что у кого-то будет за всю жизнь один-два друга, а у кого-то значительно больше. Но и близкие друзья, которые друг дру-

га любят, нередко переживают разочарования. Человеку, не знающему Бога, трудно бывает объяснить, что при всей нашей любви к друзьям нельзя ожидать от них того, что может дать только один Господь. Большинству из нас хочется порой, чтобы нас не просто любили, а заботились бы, как о детях, носили на руках. Но даже такой самоотверженный друг не сможет стать для нас тем, кем является мать для младенца. А тем более Тем, Кто, по слову Писания, заботится о нас несравненно больше, чем мать (см.: Не. 49: 15). И чем большей близости и заботы ожидает человек от друзей, тем больнее ему будет видеть их неспособность к такому подвигу, тем острее будет он чувствовать себя одиноким.

Если человек не смог нам помочь, не явился вовремя, чтобы нас утешить, не нашел в себе сил, чтобы нас в чем-то понять и принять, это не означает, что он нас предал. Ему самому могло быть трудно в этот момент, он сам мог нуждаться в помощи, мучиться какими-то своими проблемами и страстями. Мера дружбы – человеческая мера, и если мы будем это понимать, это убережет нас от многих разочарований.

Вообще, удивительная вещь: чем смиреннее человек, тем менее он бывает одинок. Ведь большинство людей страдает от того, что их, по их мнению, любят недостаточно. Можно пытаться заставить людей полюбить себя, что на самом деле совершенно неосуществимо. А можно понять, что другие люди точно так же ищут любви, и решиться дать эту любовь им. Вокруг человека, добивающегося, чтобы его любили, мо-

жет возникнуть круг людей, которые его боятся, ему льстят, с ним мучаются, но круга любящих не возникнет. Сам Господь наш, смиренный и кроткий, не заставляет людей любить Себя, и если человек говорит: «А я заставлю», – это та самая гордость, которой, по слову апостольскому, *Бог противится* (Иак. 4: 6). А смиренный человек, которому Бог, по тому же слову, *дает благодать*, даже если его не любят так, как он хотел бы, от этого не страдает, потому что понимает свое несовершенство и не пытается насиловать чужую волю, а сам по мере сил старается стать любящим. А что из этого получается, являет нам Христос: Он ни в ком не ищет любви к Себе, ни от кого ее не требует, Он любит Сам – и люди откликаются на Его любовь своей любовью. Так же и человеку, который решается этим путем за Христом последовать, встречается зачастую не один, не два, а гораздо больше людей, которые на его любовь откликаются и становятся близкими.

Решившись любить, стать любящим, важно не забывать: наша любовь к человеку заключается в том, чтобы сделать для него не то, что мы хотим, а что хочет он. И если этот человек не хочет нашего присутствия в своей жизни, наша любовь к нему должна выразиться в том, что мы его оставляем в покое и не навязываем себя ни под каким предлогом. В христианском мировоззрении нет понятия «бомбардировка любовью», которое есть в некоторых сектах. Христианин – это человек, который старается другого человека не захва-

тить, не «победить любовью», а понять и адекватно ответить на его потребности.

Иногда приходит человек и говорит: «Я пытаюсь потребности другого человека слышать, пытаюсь быть нужным, подстраиваюсь-подстраиваюсь, а никак не получается». Но кто сказал, что нужно подстраиваться? Когда человек подстраивается, он делает что-то ему несвойственное, искусственное, а дружба и любовь ничего искусственного от человека не требуют. Если мы видим в себе какие-то недостатки или страсти, мешающие нам общаться с людьми, то с ними нужно бороться – но не затем, чтобы подстроиться под кого-то, а чтобы быть с Богом. И под Бога мы тоже не подстраиваемся – мы реально хотим измениться к лучшему ради Того, Кто нас любит. И только когда мы по-настоящему меняемся, а не просто подкручиваем в себе какие-то настройки, мы становимся к Нему ближе, уподобляемся Ему.

Конечно, если речь идет о супруге, о других близких и родных людях, порой бывает нужно уступить. Ты куда-то идешь в выходные, куда сам не хочешь, а хочет другой – идешь ради него. Он на чем-то в быту настаивает – и ты не споришь, а делаешь это ради него, чтобы он не расстраивался. Но это – люди близкие, с которыми у нас есть что-то общее и очень для обоих важное, которые нас понимают. Близкий и любящий человек не будет принимать бесконечные односторонние уступки – он что-то постарается дать в ответ. А если мы постоянно делаем то, что хочет другой, и только

на этих условиях наши отношения продолжаются, то это не дружба и тем более не отношения будущих супругов.

С человеком, с которым мы только начинаем сближаться, не надо делать вид, что мы постоянно хотим того же, чего и он, если на самом деле это не так. Он сделает из этого ложные выводы, а потом все равно станет ясно, что вы очень разные люди, а может быть, даже и чуждые друг другу. Мы можем сделать для этого человека то, что он хочет, раз, другой, третий, мы можем его любить христианской любовью, как любим многих других людей, но друзьями мы можем назвать лишь тех, с кем нас действительно что-то сроднило. А вступить в брак можем только с одним человеком за всю свою жизнь – настолько нам близким, настолько с нами единоподушным, что и в нашей любви к нему, и в его любви к нам не будет никаких сомнений.

Впрочем, даже при вполне взаимных отношениях бывают моменты непонимания, связанные, например, с тем, что человек не ощутил, какая потребность в этот момент для другого более важна. Помню из нашей семейной жизни уже очень давний такой эпизод: дедушка лежит тяжело больной, а мама в комнате моет полы. И он ей говорит: «Ты сядь, посиди со мной». Она отвечает: «Ну как же я сяду, и ты тут с грязным полом лежать будешь?» А он опять ее просит: «Посиди со мной, мне не важно, какой у нас пол, мне важно, чтобы ты со мной побыла». И конечно, в подобной ситуации нужно оставить свое и дать человеку то, чего он хочет в этот

момент. То же самое касается, к примеру, подарков: сын хотел велосипед, а отец дарит ему радиоуправляемый вертолет, потому что ему тоже интересно его запустить. Или жена на 23 февраля дарит мужу соковыжималку...

Итак, в чем же причины одиночества? Практически всегда – или в требовании от других чего-то, чего они не готовы им дать; или, наоборот, в навязывании того, что им не нужно, или же в какой-то внутренней лжи. Если человек от этих внутренних установок – требования, навязывания, искусственности – избавляется, то и его отношения с окружающими начинают меняться.

«А я хотел, чтобы они со мной играли...»

Среди окружающих нас людей встречаются и совершенно психологически нормальные, и имеющие некоторые психологические проблемы, и те, у кого эти проблемы уже практически граничат с душевной болезнью. И безусловно, строить взаимоотношения с ними нужно по-разному. И человеку, переживающему одиночество, тоже важно постараться увидеть, нет ли у него самого проблем в поведении, которые людей отталкивают. Это вполне достижимо, когда у человека есть привычка к анализу прожитого дня, крайне необходимая христианину и для подготовки к исповеди, и просто чтобы куда-то в своей жизни двигаться, а не плыть по течению в неизвестном – а точнее, в печально известном – направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.